

•
Ретро-детективы
Антон ЧИЖА
•

пять капель смерти

жертва чистой красоты,
или аромат крови

ва-банк для синей бороды,
или мертвый шар

тайна мадам живанши,
или смерть мужьям

ищите барышню,
или безжалостный орфей

рыцарь с черной лестницы,
или формула преступления

холодные сердца

опасная фамилия

А Н Т О Н

ЧИЖ

• опасная фамилия •

роман

ЭКСМО
Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч-59

Дизайн серии Петра Петрова

Иллюстрации в книге Алексея Дурасова

Фото на переплете — из архива автора

Чиж А.

Ч-59 **Опасная фамилия : роман / Антон Чиж. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Ретро-детективы Антона Чижа).**

ISBN 978-5-04-219282-1

Знаменитый полицейский Санкт-Петербурга, любимец дам Родион Ванзаров, едва переступив порог двадцатипятилетия, берется за очередное расследование: при щекотливых обстоятельствах зверски убит известный государственный чиновник. В убийстве подозревают его сына Сержа — успешного «бизнесмена», занимающегося строительством железных дорог. Кажется, перед нами классическое преступление на почве семейных конфликтов и Ванзаров — в шаге от поимки убийцы. Но раскрывая одно убийство, он вызывает к жизни старое, не завершенное расследование, начатое еще... Львом Толстым!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-219282-1

© Чиж А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Однако как славно летит время. Не успеваешь оглянуться, как уже наступает нечто новое. Как это все-таки замечательно и чудесно: чувствовать бег времени, наблюдая за ним несколько философски, — говорил Степан Аркадьевич Облонский, более известный как Стива, в высшем свете двух столиц. Он устроился в плетеном кресле так, что ноги его в лакированных ботинках не касались мокрой от росы травы. Его холерное и немного располневшее тело, затянутое в модный этим летом цветастый жилет, возлежало на подушках, распространяя среди сада аромат бодрящего парфюма. — Сколько же лет прошло? Десять, нет, позволь, никак пятнадцать?

— Девятнадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать три дня, — отвечал Алексей Александрович. Не глядя на гостя, он сосредоточенно наблюдал за шевелением в кустах. Болтовня Стивы не мешала ему думать, хотя отвечал он всегда аккуратно, чтобы не обидеть невпадет сказанным словом. Повадки Стивы Алексей Александрович выучил так давно, что мог заранее угадать, что скажет его родственник.

Стива фыркнул, как упитанный мерин, и подправил узел галстука.

— Двадцать лет! Не может быть, — сказал он, впрочем, настолько мягко, чтобы показать удрученность и своей забывчивостью, и горестным воспоминанием

заодно. — Как стремительно пролетели годы. Не проходило и дня, чтобы я не вспоминал нашу бедную Анну. Буквально каждую неделю. И Долли ее все вспоминает частенько.

Каренин не стал ставить в неловкое положение гостя. Он закрыл глаза, слушая, как ветки крыжовника потрескивают без ветра. Стива принял вежливое молчание за нахлынувшие воспоминания и смутился от того, что испортил такое утро неловким словом. Надо было сменить тему, чтобы не бередить рану, но Стива не нашелся, как избежать болезненных воспоминаний.

— Моя бедная сестра! Она ничего не увидела, — продолжил он, понимая, что не следовало бы этого говорить, но уже не в силах остановиться. — Ничего! Как это печально. Как вырос и возмужал мой дорогой племянник. Однако у Сержа такая коммерческая жилка проявилась, что просто чудо. Ни Сережу-маленького... Позволь, кем же он мне приходится? Если Сережа-маленький сын моего родного племянника, то он мне кто?

— Двоюродный внук, — ответил Каренин, прислушиваясь к шуму в кустах.

— Вот видишь! — воскликнул Стива, смахивая пушинку с лацкана. — Анна ничего этого не узнала. Она была бы бабушкой. Впрочем, Долли тоже бабушка, у Маши и Лили такие внуки чудесные, и она этим в целом счастлива. Как и должна быть счастлива женщина ее лет. Погружается в мелкие хлопоты с детьми. Признаться, никогда из них толком и не выходила. А вот мне как-то дико, когда меня называют дедом. Не могу к этому привыкнуть. И скажу тебе, Алексей Александрович, не хочу. Чувствую еще достаточно сил, чтобы жить собственной жизнью, не растворяясь в детях и внуках. Но тебе-то дедом ощущать себя проще.

Алексей Александрович не считал тему достойной обсуждения. Естественный ход вещей тем и хорош, что от него невозможно избавиться, хочешь не хочешь.... Желание человека здесь имеет столь же мало значения, как и в любом проявлении судьбы. Он неторопливо кивнул, чтобы Стива мог продолжить беззаботную болтовню.

— Да, летит время! — повторил Стива, словно его об этом просили. — Как хорошо у вас теперь в семье: мир, покой и гармония. Серж счастлив в браке, ты пользуешься почетом и уважением, вполне заслуженными...чего я искренне понять не могу. Как можно быть счастливым с одной женщиной: жена стареет, а ты еще полон жизни. Так все это запутанно... Да, что же я. И ты весь в почете прошлых дней, заслуженно почитаешь на лаврах. Только Анна всего этого не видит. Но не будешь же ты уверять меня, что оттуда... — Стива ткнул пальцем с тяжелым перстнем в наползавшие тучи, — ...она все видит и следит за нами. Надеюсь, ты не фанатик.

— Ты знаешь мое отношение к религии, и я просил бы тебя не касаться этой темы, — ответил Алексей Александрович, пошевелившись в кресле и щелкнув пальцами. — Тебе же могу напомнить старую истину: копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Надеюсь, ты меня понял.

— Очень рад это слышать! — воскликнул Стива веселым победителем. — А то знаешь, теперь только и разговоров, что о потусторонних силах. Столько развелось любителей поговорить с загробным миром, что уже скучно. Меня тут как-то затянули к одному спириту, так знаешь...

— У вас в министерстве позволяют приходить на службу, когда вздумается? — спросил Каренин.

Стива звонко хлопнул себя по лбу, обнаружив, что, заглянув по-соседски на утренний кофе, он не заметил, как опять пролетело два часа. Когда он доберется из дачного Петергофа, будет уже неприлично поздно.

— Все! Спешу немыслимым образом! — сказал он, лениво поднимаясь из кресла и с наслаждением потягиваясь, играя мышцами крепкого тела, тела мужчины, только-только шагнувшего за пятьдесят. — Расцелуй за меня Сережу-маленького. Он такой очаровашка. Чудесный ребенок и так похож на Анну. Поверишь ли, Серж, когда был чуть постарше Сережи, тоже ходил на мать, а теперь вот совсем другой, взрослый мужчина. Но Сережа — копия Анны. Он мне ее живо напоминает. Ах, Анна, Анна, как много горя ты нам принесла... Надеюсь, что Господь помилует тебя и простит тебе грехи твои. Так прощай же, Алексей Александрович, заглядывай к нам, старушка Долли будет тебе рада. Развлеки ее разговором, она и за то будет тебе благодарна.

Помахав чистой ладошкой, Стива отправился по тропинке, неторопливо переставляя ноги в лакированных ботинках и насвистывая легкий мотивчик. Каренин не провожал его взглядом. Его внимание занимали кусты. Там происходило что-то чрезвычайно важное, судя по тому, как резво вздрагивали прутьи, покрытие клейкими листками. То ли зверек размером с зайца боролся с капканом, то ли птица запуталась в ветвях. Алексей Александрович терпеливо ждал.

Куст распахнулся, как занавес, из него выскочил мальчик лет семи, перемазанный землей, в порванной рубашке. Он еще не вынырнул из отчаянного приключения, какое выпало ему в глухой чаще, лицо его раскраснелось, он тяжело дышал, но глаза светились озорным восторгом. Заметив взрослого, сидящего в

кресле, он замер на полушаге, словно наткнулся на невидимую преграду, и так и стоял с раскрытым ртом и удивленным испугом на мордашке. Каренин поманил его к себе. Сережа потупился и стиснул драный край сорочки, что вывалился из панталончиков. Но подойти все же не посмел. Он знал, что такие шалости будут иметь печальные последствия.

— Молодой человек, разве вам нужно особое приглашение?

Голос деда был тонок, но суров. Такому нельзя противиться. Хочешь не хочешь, а берет он за шкирку и тащит, куда хочет. Сережа сделал шаг, как по льду, и заставил себя подойти. Из кустов выскочил его воспитатель, увидел, к чему привела его рассеянность, и предпочел остаться в стороне, не оправдывая недостойного поступка.

Сережа занял место в некотором позволительном отдалении, острые коленки деда смотрели ему в лицо строго и как будто с упреком. Так, что глаз поднять не было никакой возможности. Он знал, что заслужил суровый урок, и не было силы, которая спасла бы его. Деда Сережа видел редко, он всегда казался ему каким-то непостижимым существом, воплощением самой дисциплины, правил и порядка, перед которыми мальчик был бессилен, и только нечастое появление Алексея Александровича в жизни Сережи спасало от того, чтобы он стал хорошо воспитанным мальчиком. Дед был настолько непостижимым существом, из какого-то невообразимого мира, что Сережа не мог для себя решить: любит ли его безмерно или боится до ужаса. Он по-своему старался проникнуть в глубину этой молчаливой загадки, которая скрывалась за всегда чистыми стеклами круглых очков.

— Как понимать ваше поведение, милейший Сергей Сергеевич? — сказал Каренин, приподняв подбородок преступника холодными пальцами. Он хотел напомнить, что молодому человеку надо больше времени уделять урокам, а вовсе не путешествиям по кустам. Намерениям его не суждено было осуществиться.

Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза Сережи смотрели на него дружелюбно и внимательно. Чернокурчая головка, взлохмаченная, с застрявшими веточками в волосах, запрокинулась. Алексей Александрович держал в ладонях это родное и такое знакомое лицо и не находил в себе сил читать нотацию. Какой в ней толк, когда чудо надо прощать уже за то, что оно есть. За то, что оно именно чудо.

Едва касаясь сухой ладонью, Каренин погладил непослушные завитки Сережи, с некоторым усилием нагнул, троекратно расцеловал покрасневшие щеки, пахнувшие соком листьев, и легонько подтолкнул внука в плечо, тем отменяя наказание. От неожиданности Сережа не шелохнулся, не в силах угадать, какое волшебство спасло его от неминуемой грозы. Он улыбался победительно и нежно, смотря на Алексея Александровича взглядом, бесконечно смутившим его.

— Идите и займитесь уроками, молодой человек, — сказал он достаточно громко, чтобы напомнить учителю о его обязанностях. Сережу немедленно подхватили за локоть и увели.

Оставшись в одиночестве, Каренин погружился в размышления, привычно сцепив пальцы замком. Больше всего ему сейчас требовалось душевное спокойствие и ровность мыслей. Но мысли вертелись запутанным вихрем, увлекая в опасные водовороты, о душевном же спокойствии можно было только мечтать. Внешне Алексей Александрович казался спокойным,